

затем призванному к ответу) сделало это прощание скованным: в целом элегическим, местами патетическим. Сухие формулы официальных некрологов, банально-скорбные клипы, смонтированные ОРТ и РТР из старых передач с участием композитора, растерянные лица близких и игривые воспоминания друзей, диссонирующие с избранной ораториальной интонацией, странные стихи А.Вознесенского про "гениального сайгака" (?)... Он был удачником, сказали о нем. А что это значит, кроме того, что его любили женщины, а он любил музыку, фотографию и жену Веру, курил трубку, мечтал о море, вдохновлял на подвиги режиссера С.Урсуляка? Слишком много важного осталось за кадром: спектакли и фильмы, концерты и оперы, и то, как "не был, не состоял, не участвовал", и то, что, похоже, сознательно удалено от нынешней суеты, поглощающей все силы интеллигенции, и то, что был увлечен вечными темами и духовной музыкой. О драматизме судьбы этого баловня фортуны можно лишь догадаться, слушая его самого, упорно разъяряющего заветную мысль о возвращении в музыку романтизма всякий раз, как жизнь тормозит на повороте; мысль о музыке разрушающей и созидающей, как отражении хаоса реальности и как протесте против него.

Д.Покровский принадлежал к поколению следующему, которое в тени расцветшего шестидесятничества до седых волос ходило в молодых. Их судьбы в общем складывались несчастливы. Слава приходила — если приходила — достаточно поздно. Кто-то примкнул к "отцам" и по эстетике, и по духу; кто-то сгинул даже вопреки таланту; кто-то раз и навсегда перестал ощущать себя человеком "караса" и прогулялся сам по себе, как Д.Покровский. Пик его "всемирной славы" пришелся, я думаю, на работу с Ю.Любимовым. "Борис Годунов" был последней разорвавшейся бомбой той театральной эпохи. Он ошеломил: и пушкинскими пророчествами, и любимовскими аллюзиями, и мощным пением, которому Покровский так лихо обучил Таганку. Однако миг спустя, из соратника самого известного советского режиссера Покровский превратился в поделника невозвращенца. Страница славных дел была перевернута недочитанной.

Все то, что Д.Покровский изумительно делал потом со своим ансамблем, было уже достоянием знатоков, гурманов от музыки. Судя по всему, он был человеком мощным и цельным, как и его музыка. В его собирательстве была страсть коллекционера и не было ни грана "судорог патриотизма", такие глупости к нему не клеились. В его крови, конечно, есть

замечательным актером", прокричал кто-то другой. Замечательным пианистом, композитором — да. Но актером? К чему эта ложь. И чем бы его унизила правда? В кадре он был зажат, совсем не так обаятелен, как за роялем, актерски плохо владел голосом. За кадром все время "кололся", подмачивая репутацию постмодернистов. "Два капитана", в сущности, стали последним выдохом этого экстравагантного течения. Спасти фильм могли бы только монтажные ножницы, они сократили его до размеров "Любови" Ю.Шевчука — С.Дебижева, которая сделана в общем на ту же тему. "Лох" и вовсе вышел средним боевиком наподобие американских. С той лишь разницей, что героя-супермена сменил герой-чудак, а вместо подружки секс-бомбы явилась к лоху девочка-дешевочка. Хорош в этом фильме лишь последний кадр: усталое донельзя лицо героя, который посылает нас ко всем чертям.

Он, конечно же, был фигурой трагической. С.Шолохов почему-то представил его солнечным клоуном. В такую судьбу, естественно, никак не вписывался последний национал-патристический вираж. Пришлось объявить Курехина Моцартом, предавшим свой талант.

А он не был Моцартом, этот последний романтик, рвавшийся резонансом. Он мечтал о моцартовской соразмерности, моцартовской гармонии, моцартовской славе — несомненно, но музыка его оставалась смутенной, печальной, исполненной одиночества и тоски. Может быть, потому он и плакал на фильме Милоша Формана?

Если нынешние пятидесятилетние, как Д.Покровский, еще испытали на себе влияние светлой ауры шестидесятников, то нынешние сорокалетние, эти адепты профессионализма и ненавистники социального пафоса в искусстве, всю жизнь существуют как бы в болезненном притяжении-отталкивании — от той поры, того искусства, тех кумиров. Их снедает честолюбие — достичь той же славы, перепрыгнуть ее, и одновременно мучат комплексы кровного родства, избавиться от которых совсем не просто. Отсюда мальчишество и хулиганство, "игры в депутатиков", грибные фантазии, эстетическое провокаторство "Поп-механики".

В "Тихом доме" С.Дебижев возмущался, что власти не приняли участия в похоронах С.Курехина. Простите меня, но это так смешно перед диагнозом "саркома сердца". Хотя и симптоматично, почти по Фрейдю, именно для этого поколения. Вполне сознательно распевавшись с властью, иронизируя над ее официальным канонами и ритуалом, чего не позволили себе (по разным соображениям) шестидесятники, их сорокалетние дети вдруг затребовали себе молочных рек с кисельными берегами, званий, почестей и наград. Думаю, мысль о том, что "их" не печатали, коржили и унижали, высылали, лишали — но боялись и потому всегда имели в виду, а "нам" разрешили все, но ни в грош не ставят, — эта мысль для этого поколения будет болезненна всегда. И трудно с нею расстаться, как с тем же прошлым, в котором мы выросли.

Какая в сущности разница, где быть похороненным? Главное ведь, чтобы не заросла тропа. А лежать в Комарове, где-то рядом с Ахматовой, С.Курехину, этому веселому бунтовщику, истязавшему сердце тоской недовольства, будет даже теплее.

Когда-то А.Васильев, репетируя со своими актерами спектакль "Серсо", сказал им: "Играйте так, чтобы, когда вы говорите, о вас ничего нельзя было понять, а вот когда вы замолкаете — тут зритель обо всем и догадывается". Умолкла музыка — М.Таривердиева, Д.Покровского, С.Курехина. И раз уж нет у нас других слов, кроме банальностей, помолчим и обо всем догадаемся. Если уж не жалею живых, пожалеем хотя бы мертвых.

Наталья КАЗЬМИНА.

БЕЗ РАМПЫ

И

юль был жарким и влажным. Настоящее лето. И настоящее наказание для сердечников. В июле хоронили трех музыкантов — Дмитрия Покровского, Сергея Курехина и Микаэла Таривердиева. В августе и сентябре их поминали. Поминали — согласно нынешней табели о рангах и нынешним (рейтинговым) представлениям о таланте, о судьбе, о поколении, к которому принадлежал каждый из них.

М.Таривердиева — чопорно, как позабытого классика. Д.Покровского — корректно, как узкого специалиста в области, весьма туманной для широкого круга, о благе которого так пекутся наши доблестные СМИ. С.Курехина — надрывно, словно нового Джеймса Дина конца 90-х.

Мне показалось, что каждый из них был достоин чего-то еще... Даже от тех, кто кумиров творит и скидывает с пьедестала, вычеркивает и вписывает имена в реестры, согласно моде и стечению обстоятельств.

М.Таривердиев действительно стал классиком при жизни. Много успел и многого добился. Его песни пели все. Его самого узнавали на улице. Его пародировали, что было признаком самой что ни на есть большой популярности. Его мелодии звучали вокруг нас в течение нескольких десятилетий. Его имя навсегда связано с классикой советского кинематографа. Но сегодня это имя — вынужденная отсылка к застою, а туда по дипломатическим соображениям углубляться никто не хочет: сопоставляя культурные достижения тех и этих лет, того и гляди попадешь впросак. Лучше родства не помнить — улицы переименовать, одни нелепые памятники скинуть, другие еще более нелепые поставить, сменить, как колodu карт, обойму имен и молча давиться попсой, как полпорном.

Смею предположить, что и принадлежность к ныне "немодному" поколению шестидесятников (сначала боготворимому,

Когда вы замолкаете...

доля моцартианства. Оно ведь не в том, чтоб творить с улыбкой и необыкновенной легкостью в мыслях. Оно в громокипящей жизнерадостности результата, в музыке, рождающей почти священный языческий восторг, той музыке, об исчезновении которой так сокрушался М.Таривердиев.

Д.Покровского — очень скромно — помняли в основном только друзья. Остальные, кажется, даже не поняли, с кем имели дело. Но, может быть, именно это обстоятельство спасло его от того, чего не избежал С.Курехин.

Душу Курехина, еще не успевшую отлететь, стали ваять в мраморе. Почти розовский мальчик, рубивший шашкой мифы и легенды своей юности, на глазах сам превращался в миф. Он был моден последние годы, ему устроили поминки на широкую ногу. Повторили "Час пик" с его участием, показали по ОРТ дебижеских "Двух капитанов", по РТР — "Лоха — победителя воды", крутили его "Поп-механику" и по другим каналам. Скорбно-импозантный С.Шолохов на правах первого помощника главного грибника посвятил ему целиком "Тихий дом", решенный в закатных красках любимого Висconti.

"Выдающийся деятель культуры", лянул кто-то в некрологе. Какая ирония судьбы! Человек всю жизнь мечтал "отречься от старого мира", а после смерти оказался приравнен, как могильной плитой, кондовой формулой застою. "Он был

Экран и сцена - 1996, - 12-19 сент. - 97